

В этом году отметил свой полувековой юбилей заслуженный деятель искусств ЧИАССР Умар Бексултанов. Минувший музыкальный сезон был насыщен активными творческими встречами композитора с почитателями его таланта. Проведены авторские концерты в Грозном и Назрани. Очень теплой была встреча на вечере в музучилище, где вот уже 24 года преподает У. Бексултанов. На его долю выпало стать первым членом Союза композиторов СССР из Чечено-Ингушетии.

Интересно сегодня послушать, что думает сам Умар Ахмедович о своей работе, узнать подробности биографии.

— Умар Ахмедович, кто-то из великих обронил точную догадку: «Мастерство художника — это умение заставить работать разум на уровне интуиции». Но, наверное, проблема, особенно для начинающего композитора, еще и в том, чтобы воспитать волю, заставляющую работать интуицию в требуемом режиме?

— Судьба, меня, детдомовца, что и говорить, не баловала. И без воли, а порой простого жизненного упрямства было не выжить, не только подняться на Олимп, каким виделось мне служение искусству. На мое счастье, с самого детства я был окружен людьми неравнодушными к невзгодам безотцовщины, сирот. Одно из моих любимых произведений посвящено Панфиловскому детскому дому, что в Киргизии, не случайно. В тяжелую пору атмосфера здесь была удивительно радостной. Чем мы там только не занимались! Сейчас бы и вспомнить нашим школам о том, что раньше в их стенах действовали десятки кружков. Я пел, танцевал, рисовал, играл на трубе, фотографировал, актерствовал и занимался кузнечным делом. Интенсивное погружение ребенка в обстановку творчества — самая что ни на есть естественная для духовного роста среда.

А как тщательно следили за нашим развитием педагоги! Моим поистине крестным отцом стал Борис Иванович Металов, руководитель духового оркестра. Он увлек своей страстью, и я привык к трубе: ее звуками я поднимал детдомовцев на зарядку.

Хорошо уяснил с детства и понятие «плечо друга». По сей день благодарен этим ребятам. И белорусу Ивану Сухичу, возившемуся со мной, как с младшим братом, и казаху Саше Алдаеву, подарившему мне новый инструмент к экзаменам.

— Речь зашла об экзаменах, значит, все же уже тогда решились посвятить себя искусству?

— Решил посвятить... Слишком громкое утверждение по отношению к 15-летнему мальчишке. Скорее, внял советам. Да и «за компанию»: «наших» во Фрунзенском музыкально-хореографическом училище было немало. Хотя конкурировать при поступлении с домашними детьми было не просто. «Сольфеджио» — да я и слова такого не знал.

Мои любимые педагоги виртуоз-трубач С. Вайндорф, П. Шакальский не уставали «вдалбливать» в головы подопечных одну, но главную истину: музыка — искусство в высшей степени профессиональное, а сочинительство ее никогда не покорится дилетанту. Втайне я, конечно, что-то набрасывал. Но когда на 4 курсе (не без

воры больше шли о литературе, живописи, театре. Сам блестящий исполнитель, он бывало присаживался за инструмент. И если только перечислю имена одноклассников и приятелей, ставших знаменитыми — Валерия Гаврилина, Олега Хромушина, Бориса Тищенко, вы поймете, что обучение с ними было само по себе «академией».

Цена прозрения

Рядом с интересным собеседником

«форсу») предъявил свои самоделки Герману Окуневу, автору первого киргизского балета «Кюрючук», он довольно-таки больно щелкнул меня по носу, велел подальше спрятать свои опусы. Метода у него была простая и эффективная. Сразу учуяв, что фортепиано для меня сущее наказание, потребовал готовить к каждому занятию по пять фортепианных пьес. Встретил бы сейчас Германа Григорьевича, в ноги бы ударился за науку: семь потов не сойдет — ничего дельного не напишешь.

— Каждый из нас иногда вздыхает: «Хотел бы я выразить в звуке», но увы...

— Работая артистом оркестра в Киргизской филармонии, скопил некоторый авторский капитал. Более или менее удачно фиксировал пережитое. Можно даже определить по названиям: «Пионерская сюита», «Восточный танец», романсы «Облетевшая листва» на слова Али Шогенукова и «Колыбельная», «Все на всех» (Агния Барто). Решение поступать в консерваторию по-прежнему крепло. Подтолкнуло его обсуждение моих работ в Союзе композиторов — неожиданно комплиментарное. А еще — случай. На декаде в Москве приболел дирижер. Мне пришлось встать за пульт. И как говорили, с этой ролью справился неплохо. Это было последней воодушевляющей каплей — еду в Ленинград!

Наш наставник (я попал в класс известного композитора Ореста Евлахова) хорошо понимал наше смятение и скованность. Попытался прежде всего выяснить общекультурный кругозор своих учеников. Разго-

Определились и музыкальные привязанности: Прокофьев, Шостакович, Бетховен, Свиридов. Повлияла на всех нас неформальная встреча с приезжавшим в СССР «гением XX века» — Игорем Стравинским. В тот вечер он дирижировал в «Жарптице» и «Весне священной». По облику — вразумительный, тактичный, на старинный манер. Но куда что делось, когда кто-то попробовал оспорить его взгляды на искусство. Характер обнаружился ершистый, нрав непримиримый. Урок молодежи: в своих убеждениях не уступать ни пяди.

— Мы уже касаемся специфики вашего ремесла. Хотелось бы все же уяснить, насколько соответствует истине наше обывденное представление: дескать, «дано человеку» и достаточно. Всего-то и делов — выразить подсказанное нантием в порыве неведь откуда взявшегося вдохновения...

— Думаю, талант — это вопрос веры. Веры в себя, в свое предназначение. Она и помогает сделать догадку нантия непреложностью. Все остальное уже не совсем вера, если художник знает свою цель и рвется к ней.

— О вашей цели мы уже начали было говорить: у народа композитор берет, ему же возвращается. Но мы знаем, что словарь национальной музыки еще едва пролистан.

— Материала для «штудий» по родной музыкальной культуре, как ни рыскал по библиотекам и по знакомым, оказалось очень мало. И люди, взявшие на себя благородный труд собирателей, заслуживают упоминания. Великим счастьем для нас

оказался интерес к Чечено-Ингушетии крупного советского композитора, автора музыкальных картин «На десятой версте» и «Улица волнуется» Александра Давиденко. Еще в 1925 году им написана сюита на чеченские народные темы. Это все, что осталось из изданного до войны. Попали мне в руки и ноты отлично знавшего наш фольклор грузина Георгия Мецурнова — основателя оркестра чеченских народных инструментов. Занимался этим вопросом Николай Речменский, написавший очерк «Музыкальная культура Чечено-Ингушетии». К сожалению, и позже письменных источников не стало больше. Потому, работая над дипломом, поэмой «Гамар», мне пришлось проделать большую работу в горной глубинке. Многое мне дал Умар Димаев.

Однако и сейчас проблемы освоения народной музыки остаются.

— И какова в этом миссия профессионалов?

— Музыка мертва без почвенной, образной ткани. Дать народному мелосу новую жизнь — это пропаганда его, моя сверхзадача как композитора. Слушателям, надеюсь, легко угадать переосмысление народных тем, мотивов, интонаций, традиционных жанровых особенностей в моих произведениях. Будь то обрядовый ингушский плач в «Героической симфонии» или музыкальный образ панорамы гор в «Гамаре», пастушеский наигрыш в симфонической поэме «Сказание гор». Средств подчеркнуть «кровное родство» множество. Как заметил еще Бунин, можно в совершенстве изучить чужой язык, и даже писать на нем. Но «подмигнуть» на нем не удастся никому. А что за искусство без нюансов интимных чувств? Так что дело не только в национальной ориентации звукового материала.

Принято считать, музыка — это конечная бесконечность. Часто, наблюдая погруженный в себя филармонический зал, просто физически ощущаешь атмосферу высочайшего нервного напряжения.

— Вдохновение в музыке это всегда тот случай, когда Давид побеждает Голиафа. Ради попытки (порой неосознанной) стать выше слушают и будут слушать ее люди во все времена. Для того и работает композитор.

— Реальная жизнь художника, как говорится, в миру опирается не только на абстракции. Может быть, приземлим немножко наш разговор и расскажем читателям, во что предположительно выльются ваши нынешние раздумья?

— Понимаю: традиционный для интервью завершающий вопрос о творческих планах. В этом отношении я человек суеверный. Не сыграно — значит, не написано. Но если настаиваете — близится к концу большая работа над симфонической поэмой о революции. Ее название «100 дней», в нем объяснение замысла для каждого грозненца.

Беседу вел И. ГРИГОРЬЕВ.